

В гостиной дома семьи Ян старейшина Ян сидел на диване, выпуская дым колечками, и произнес:

— Мы с твоей матерью и женой обсудили это дело. Триста тысяч нужно обязательно собрать, и это возможно.

Ян Тяньцы замер, уставившись на родителей.

— Но сначала ты должен честно рассказать, когда именно ты взял эти деньги, куда они ушли и сколько осталось.

Гнев в груди Ян Тяньцы мгновенно угас, и он поспешно начал оправдываться:

— Я действительно не брал их. Я совершенно не помню, чтобы брал деньги в долг. Если бы я знал, то уже давно вернул бы их. Как бы я допустил, чтобы ростовщики пришли к нам домой? Папа, мама, поверьте мне, я не брал их!

Старейшина Ян с грохотом ударил по столу и закричал:

— Ты до сих пор врешь! Там черным по белому написано твоё имя, а ты говоришь, что не брал? Куда же делись деньги? Говори!

— Я... — Ян Тяньцы замялся на мгновение, затем резко поднял голову:

— Вы не хотите помочь мне собрать деньги, а просто хотите узнать, где они, и сколько осталось, верно?

Лицо старейшины Яна исказилось от гнева. Он задышался от ярости, прежде чем смог указать на Ян Тяньцы:

— Неблагодарный сын! Неблагодарная тварь! Как ты смеешь так со мной разговаривать? Если бы я знал, что ты способен на такое, я бы не позволил твоей матери родить тебя!

— Не позволил бы родить меня? — холодно усмехнулся Ян Тяньцы. — Почему-то я помню, как вы говорили моим двум сёстрам, что я — единственный росток в семье Ян, единственный продолжатель рода. А теперь, когда на мне висят долги в триста тысяч, я уже не ваш сын? Выходит, деньги для вас важнее сына, да?

— Ты! — старейшина Ян указал на него, но не смог вымолвить ни слова.

Старая госпожа Ян поспешно вмешалась:

— Как ты можешь так разговаривать с отцом? Ты взял деньги у ростовщиков и довёл семью до такого состояния, а теперь отказываешься сказать, когда взял их и сколько осталось. Как мы можем тебе помочь?

Ян Тяньцы произнёс каждое слово чётко:

— Я сказал, что не брал денег.

— Ян Тяньцы! — жена, с покрасневшими от слёз глазами, с гневом сказала. — Ты не понимаешь, что делаешь. Если через три дня мы не вернем деньги, пострадаем не только ты, но и родители, я и наш сын. Даже если тебя не волнуют родители и я, подумай о сыне. Он ещё так мал. Если они действительно отрубят ему руку или ногу, как он будет жить дальше?

Упомянутый Ян Шэнмао побледнел. Казалось, после пережитого шока он онемел, и на его лице почти не осталось выражений.

— Думать о нём? — Ян Тяньцы вспомнил, как его избили, а сын защищал только бабушку и жену, и усмехнулся. — А кто думал обо мне? Никто мне не верит. Зачем мне думать о вас?

— Ты!

— Довольно! — старейшина Ян швырнул пепельницу с журнального столика, его лицо исказилось от ярости. — Меня не интересует, сколько у тебя осталось. Завтра утром ты пойдёшь к своей сестре и попросишь у неё денег. Я слышал, что Цзян Чжо уже сделал операцию. Если у них есть деньги на операцию, значит, у них есть деньги, чтобы помочь тебе с долгами. Пусть они соберут эти триста тысяч!

Ян Тяньцы и его жена одновременно замерли, обменявшись взглядами. Жена произнесла:

— Папа... Это возможно? В прошлый раз, когда Ян Сы приходила к нам, она сказала, что разрывает отношения с вами. Всё было так напряжённо. Разве она даст деньги Тяньцы?

— Не даст — заставим! — старейшина Ян ударил по столу. — Мы, семья Ян, вырастили её, видели, как она вышла замуж и родила детей. Я и её мать ещё живы. Если сейчас нас доведут до краха, она не посмеет отказаться...

Ян Тяньцы перебил его:

— Она не согласится.

Старая госпожа Ян спросила:

— Что ты сказал?

— С Цзян Чэнем она не согласится, — в глазах Ян Тяньцы застыла мгла, он произнёс. — В прошлый раз у нас на пороге мы сказали, что разрываем отношения с сестрой, а Цзян Чэнь, этот ублюдок, записал это на диктофон. Сегодня я пошёл к нему, и он предъявил мне эту запись. Более того, он избил меня, сломал руку Шэнмао и пригрозил, чтобы я больше не появлялся перед Ян Сы.

Старая госпожа Ян не могла поверить:

— Он... избил тебя? У него хватило наглости?

— Спросите у вашего внука, — сказал Ян Тяньцы. — Пусть скажет, сломал ли ему Цзян Чэнь руку, а потом вправил её.

Взгляды всех в комнате устремились на Ян Шэнмао. Он медлил, не кивая. Почему-то у него было предчувствие, что если они пойдут разбираться с Цзян Чэнем, их ждёт участь худшая, чем если бы они поссорились с ростовщиками.

Увидев, что Ян Шэнмао молчит, остальные трое с подозрением посмотрели на него. Ян Тяньцы, разозлившись, подошёл к нему и ударил его по голове:

— Говори! Да или нет?

Ян Шэнмао сжал кулаки и едва заметно кивнул.

Старейшина Ян взорвался:

— Бунт! Цзян Чэнь осмелился ударить старших! Это просто беспредел! У него совсем нет воспитания!

Ян Тяньцы продолжил:

— Я думаю, он раньше просто притворялся перед нами, а на самом деле он полон злобы и коварства. Если Цзян Чэнь рядом, моя сестра точно не даст нам денег.

— Что же делать? — спросил старейшина Ян. — У нас всего три дня. Цзян Чэнь на каникулах, он всё время дома. Он может ждать, а наша семья — нет.

— Не беда, — в глазах Ян Тяньцы мелькнула холодная усмешка. — Он чем-то обидел одного молодого господина, и тот дал мне денег, чтобы я следил за ним и преподавал ему урок. Если я попрошу того помочь, он с радостью согласится. Тогда, без этого ублюдка Цзян Чэня, который всё портит, старшая сестра обязательно даст нам деньги, чтобы расплатиться с долгами.

Старый особняк семьи Хэ

После окончания семестра несовершеннолетние члены семьи Хэ обязаны возвращаться в старый особняк, чтобы провести некоторое время с пожилыми. Это правило, установленное несколькими поколениями семьи Хэ, поэтому, даже если Хэ Цяньминь не хотел оказываться в одном месте с Хэ Цяньцзянем, с началом летних каникул его всё равно отправили туда.

Хэ Цяньян, который учился на третьем курсе университета, также вернулся в старый особняк. Хэ Цяньминь и Хэ Цяньян хорошо ладили, и большую часть времени они проводили вместе. Хэ Цяньцзянь же, неизвестно чем занятый, большую часть времени оставался в своей комнате, так что за неделю всё было относительно спокойно.

В полдень Хэ Цяньюю, стуча каблучками, поднялась наверх и принялась стучать в двери.

— Цяньян-гэ, второй брат! Обед готов!

Постучав в одну дверь, она направилась к соседней:

— Старший брат, обед готов!

В комнате Хэ Цяньминь не выпускал из рук игровой контроллер, не отрывая взгляда от экрана:

— В этот раз я точно выиграю.

— Это ещё посмотрим, — Хэ Цяньян поднял бровь.

— Черт! Как ты делаешь этот удар левой с последующим ударом ногой? — Хэ Цяньминь, управляя жёлтым персонажем, нахмурился. — Почему у меня получается только удар рукой, а не оба сразу?

— Это мой секретный приём. Может, через пару сотен лет тренировок ты его освоишь.

Пока они разговаривали, из соседней комнаты донёлся голос:

— Подождите немного, скоро спущусь.

Услышав этот голос, Хэ Цяньминь скривился, и его персонаж в игре забился ещё яростнее.

Хэ Цяньян усмехнулся:

— Что у тебя с Хэ Цяньцзянем?

— Да ничего особенного.

— Я помню, в детстве ты его очень любил, — Хэ Цяньян сказал. — Я уехал в университет, и два года не был здесь. Когда вернулся, вы уже так друг к другу относились. Я думал, что у вас просто ссора, но прошло уже год, а вы всё ещё в таких отношениях.

Игра закончилась, жёлтый персонаж упал на землю, а красный персонаж размахивал руками.

Хэ Цяньминь бросил контроллер и без эмоций произнёс:

— Тебе не объяснишь.

— Расскажи брату, — Хэ Цяньян также положил контроллер, обнял Хэ Цяньминя за плечи и сказал. — Какая у вас такая непримиримая вражда, что вы друг к другу как враги?

— Вражда? — Хэ Цяньминь усмехнулся. — Он хотел меня убить. Это вражда?

Хэ Цяньян замер, его лицо постепенно стало серьёзным:

— Цяньминь, такие слова нельзя бросать на ветер, даже если...

— Я знаю, — Хэ Цяньминь встал. — Вам не обязательно верить мне, я привык. Я сам знаю, что он за человек.

Хэ Цяньян также встал, положил руку на плечо Хэ Цяньминя и, глядя на него сверху вниз, сказал:

— Цяньминь, я не то чтобы не верю тебе, просто думаю, что здесь какое-то недоразумение. Если это из-за той аварии, то психолог говорил...

<http://bllate.org/book/16728/1538601>